

~~23907~~
~~ЭМ 24~~
~~647~~

Курдъ Ласевичъ.

ор 1-22
10579

Островъ блаженныхъ.

«Въ житищѣ оговъ».

W *51*
2,90

Юсифъ Пачторъ.

А В Т О М О Б И Л Ь .

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

къ
ЖУРНАЛУ

Заѣдней

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-27447
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

№ 117

Тип. Т-ва «Екатеринг. Печ. Дѣло» Екатеринбургск. пр., № 7.

МОСКОВСКИЙ ПЕЧАТНИЧЬИЙ
№ 22-117
ПЕЧАТНИЧЬИЙ ЗАВЪДЪ

Печата
листов

2

СТ

~~M 24~~
~~647~~

W 51
290

Островъ блаженныхъ.

Курда Лассвица.

«Въ жилищѣ боговъ».

Тристанъ-д'Акунья, 28 декабря!...

Уважаемый другъ! Вдали отъ мировыхъ путей сообщеній, въ южной части Атлантическаго океана пишу я нынѣ Вамъ на одинокомъ лорномъ островкѣ, гдѣ я всего восемьдесятъ седьмой обитатель, а восемьдесятъ восьмой появится, вѣроятно, не скоро. И, можетъ быть, лучше было бы мнѣ оставаться здѣсь и вести созерцательный образъ жизни туземцевъ, чѣмъ изъ общества блаженныхъ боговъ, которыхъ я покинулъ нѣсколько дней тому назадъ, снова возвращаться въ варварскую Европу, гдѣ мои рассказы будутъ осмѣяны. Ахъ, если-бы Вамъ когда-нибудь пришлось ступить ногою на корабль душъ, отвѣдать амброзіи и подобно мнѣ бросить хотя-бы одинъ взглядъ въ умопостигаемый рай! Подобно мнѣ Вы колебались бы между гордымъ блаженствомъ и неутолимой тоской по недостижимому. Однако Вамъ съ Вашимъ сознаниемъ, связаннымъ съ категоріей времени, нужно вѣдь рассказывать въ историческомъ порядкѣ, если желаешь быть выслушаннымъ Вами.

Слѣдуя приглашенію лорда Литтона, я, какъ Вамъ извѣстно, освободился на нѣсколько мѣсяцевъ отъ археологіи и всецѣло довѣрился страсти къ путешествіямъ нашего благороднаго

друга. Мы плыли на его паровой яхтѣ «Лунное Сіяніе», руководимой бравымъ капитаномъ Клинчемъ, при великолѣпной погодѣ въ пустынной, рѣдко посѣщаемой южной части Атлантики. 11-го декабря..., въ полдень около 12 часовъ, когда мы находились подъ $28^{\circ} 31'$ западной долготы (отъ Гринвича) и $39^{\circ} 56'$ южной широты и были уже готовы сѣсть за завтракъ,—былъ данъ сигналъ о близости ледяныхъ горъ. Вскорѣ вынырнули передъ нашими взорами не только отдѣльныя свѣтлыя массы, но громадная, протяженіемъ въ мили высокая, блестящая бѣлая стѣна. Рѣдкій феноменъ надо было изслѣдовать. Въ то время какъ «Лунное Сіяніе» держалось въ надежномъ отдаленіи, четыре крѣпкихъ матроса доставили на веслахъ къ сверкающему колоссу корабельнаго врача, м-ра Гильвальда и меня. Чѣмъ ближе мы подплывали къ громадѣ, тѣмъ яснѣе къ нашему удивленію убѣждались, что здѣсь передъ нами все не плавающія ледяныя массы, а отвѣсный скалистый берегъ какого-то острова. Глубоко врѣзавшійся въ сушу фіордъ открывалъ удобное мѣсто для высадки. И тутъ къ нашему изумленію мы убѣдились, что предполагаемая льдина было ни чѣмъ инымъ, какъ скалистой стѣной изъ гигантскихъ кристалловъ известковаго шпата, которую, впрочемъ, издали съ ея отблесками и переливами въ солнечномъ свѣтѣ невозможно было не смѣшать съ ледяной горой. Здѣсь, во всякомъ случаѣ, крылась причина, почему на картахъ относительно этой части океана хотя и отмѣчены наблюденія ледяныхъ горъ, но совершенно нѣтъ указаній на какой-либо островъ. Я началъ вабираться на скалистую стѣну, высота которой могла быть

около ста метровъ, причемъ выступающіе кристаллы дѣлали мою попытку не такой ужъ трудной.

Едва я успѣлъ достигнуть верхняго края стѣны и бросить взглядъ внизъ, какъ остановился словно замороженный, не будучи въ состояніи отъ изумленія и удивленія двинуться съ мѣста. Скалистая стѣна сначала падала круто, подобно гигантскому валу, но потомъ она переходила въ холмистую равнину, которая, блистая яркой зеленью роскошной растительности, постепенно опускалась къ тихой морской бухтѣ. За бухтою поднимались новые холмы, на которыхъ среди зелени лавровыхъ и оливковыхъ деревьевъ высились блестяще бѣлые дома и дворцы обширнаго города съ превосходящимъ все вокругъ дивнымъ зданіемъ акрополя подобнымъ тому, который когда-то украшалъ городъ Аѳины Паллады. На фонѣ этого восхитительнаго пейзажа развѣтывалась кипучая жизнь; на морѣ—суда необыкновеннаго вида и люди, которые, казалось, скользили по водѣ, на берегу—живая, подвижная многочисленная толпа, но въ такихъ костюмахъ и одѣянiяхъ, которыхъ мнѣ никогда еще не приходилось видѣть. Послѣ первыхъ моментовъ остолбенѣнія я постарался опомниться и сообразить, въ чемъ дѣло. Звать своихъ спутниковъ я не рѣшился, такъ какъ далеко еще не былъ увѣренъ въ реальности видѣннаго. Какъ могъ этотъ роскошный міръ, который съ одной стороны рѣшительно напоминалъ греческую древность, но съ другой стороны производилъ не поддающееся описанію впечатлѣніе ни съ чѣмъ несравнимаго, сказочнаго,—какъ могъ этотъ міръ возникнуть въ пустынѣ Атлантического океана? Въ то время, какъ я, зада-

ваясь такими вопросами, изумленно созерцалъ кипѣвшую у моихъ ногъ удивительную жизнь, я, правда медленно, подвигался по скалистому валу и вдругъ очутился передъ крутой, но доступной лѣсенкой, которая вела съ высоты къ холмамъ равнины. Тутъ однако у меня явилось сомнѣніе, слѣдуетъ-ли мнѣ отваживаться спускомъ въ это неизвѣстное царство безъ своихъ спутниковъ, но прежде, чѣмъ я успѣлъ прійти къ какому-либо рѣшенію, передо мною появился одинъ изъ обитателей этой страны, который движеніемъ руки пригласилъ меня спуститься по ступенькамъ. Этому приглашенію я долженъ былъ слѣдовать—почему, въ этомъ я не могъ дать себѣ отчета, но приглашеніе было властное, какъ мановеніе божества. Чувство, съ которымъ я послѣдовалъ за неизвѣстнымъ безотговорочно и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольно, но вопреки своему только что принятому намѣренію, я не могу сравнить ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ голосомъ совѣсти, который побуждаетъ насъ къ какому-либо дѣйствию безъ выбора, что-бы не говорилъ противъ этого нашъ разумъ. Обитатель страны, одѣтый въ легкую мантию изъ блестящей золотистой матеріи поверхъ плотно лежащаго нижняго платья, былъ невысокаго роста, но благородной внѣшности, оружія у него я не замѣтилъ; гордой поступью шелъ онъ впередъ, я же, безсильный, какъ вснѣ, слѣдовалъ за нимъ.

Когда мы достигли берега морской бухты, онъ обернулся ко мнѣ—о томъ, что я шелъ за нимъ, казалось, онъ зналъ съ абсолютной увѣренностью, такъ какъ въ теченіе десяти минутъ длиннаго пути онъ не безпокоился обо мнѣ—и задалъ какой-то вопросъ. Языкъ, на которомъ былъ поставленъ вопросъ, въ первое

мгновенье звучалъ для меня совершенно чуждо и я, быть можетъ, не понялъ бы его, если бы, благодаря общему эллинскому характеру окружающихъ насъ окрестностей у меня вдругъ не блеснула мысль: это греческій языкъ. И когда онъ повторилъ свой вопросъ, я понялъ его, и лишь необычный способъ произношенія смущалъ меня. Онъ спросилъ меня, изъ какой страны я родомъ и какъ я попалъ на этотъ островъ, а также, знаю ли я, какой городъ лежитъ передъ моими глазами. Мнѣ показалось, что онъ какъ будто не ждалъ никакого отвѣта на свои вопросы и задалъ ихъ лишь затѣмъ, чтобы убѣдиться въ моемъ варварствѣ, потому-что, когда я далъ отвѣтъ по своему крайнему разумѣнію на классическомъ греческомъ языкѣ, конечно съ чуждымъ для него, но все же понятнымъ произношеніемъ, на его лицѣ отразилось радостное удивленіе. Онъ сталъ вдругъ любезнымъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Добро пожаловать въ Апойхисѣ, кто бы ты не былъ; языкъ эллиновъ сохраняетъ тебѣ свободу.

Затѣмъ онъ взялъ съ берегового выступа пару странной формы башмаковъ и протянулъ мнѣ, тогда какъ другую такую-же пару укрѣпилъ у себя на ногахъ и затѣмъ вступилъ на воду, какъ будто это была твердая земля. Естественно, что я стоялъ совершенно ошеломленнымъ, не зная, что мнѣ слѣдуетъ предпринять, словно житель огненной земли, которому дали бинокль съ просьбой воспользоваться имъ. Апойкіецъ улыбнулся и объяснилъ мнѣ употребленіе антидора, какъ онъ называлъ башмаки. Долженъ сознаться, что я его не вполне понялъ, и становился все большимъ варваромъ

переть этимъ цивилизованнымъ эллиномъ. Однако, мнѣ удалось все же усвоить и замѣтить, что подошвы башмаковъ, состоявшія изъ соединенія металлическихъ пластинокъ, при соприкосновеніи съ водой такъ сильно разлагали ее, приводя ее въ бурное кипѣніе, что погруженіе становилось невозможнымъ. Я собрался съ духомъ, надѣлъ антидоры и двинулся пѣшкомъ по водѣ, опираясь на своего спутника, не безъ страха и стыда за свое невѣжество. Ахъ, моя гордость европейской культурой девятнадцатаго столѣтія вскорѣ склонилась еще ниже, совсѣмъ низко. Я увидѣлъ теперь, что подобно намъ, многіе другіе совершенно спокойно двигались по водѣ, но въ то-же время я замѣтилъ у нихъ въ рукахъ инструменты и вокругъ меня, на водѣ, по берегамъ и на домахъ какія-то сооруженія, совершенно для меня непонятныя. Дикарь, попавшій въ одну изъ нашихъ европейскихъ столицъ, меньше былъ бы ошеломленъ всѣми изобрѣтеніями новаго времени, чѣмъ я произведеніями искусства апойкійцевъ.

Мой спутникъ свернулъ изъ улицы на широкую площадь, какъ вдругъ изъ окружавшей насъ людской толпы выдѣлился человѣкъ въ такомъ-же одѣяніи, какъ у моего спутника и съ бурной радостью бросился ко мнѣ на шею.

— Эгбертъ, — воскликнулъ онъ по нѣмецки, какъ ты попалъ въ Апойкисъ?

Мой проводникъ не безъ почтенія отступилъ передъ новымъ лицомъ, тогда какъ я нѣкоторое время долженъ былъ соображать, кого я вижу передъ собой. Необычный костюмъ сбивалъ меня. Потомъ я къ своему радостному изумленію узналъ, — вообразите кого — нашего милаго университетскаго друга Филандра, съ которымъ мы провели такіе возвышающіе душу

часы въ Гейдельбергѣ лѣтомъ 1872 года. Теперь я былъ спасенъ. Филандръ объявилъ меня своимъ гостемъ — онъ здѣсь очень уважаемая личность — и повелъ меня въ свой домъ. На мои бурные вопросы нашъ другъ отвѣчалъ своей тихой, олимпійской улыбкой, которую Вы, вѣроятно, помните.

— Со временемъ, сказалъ онъ, ты узнаешь столько, сколько въ состояніи постичь; однако держись умѣренно, если хочешь не потеряться. Мы не такъ, какъ вы, связаны съ чувственнымъ міромъ явленій — однако я вижу, что въ настоящій моментъ тебя мучитъ феноменальный голодъ.

Онъ представилъ меня своей супругѣ, граціозной дамѣ, одѣтой въ платье фіолетоваго цвѣта съ золотомъ, причемъ я подозрѣваю, что она при видѣ меня лишь съ трудомъ могла подавить улыбку. Въ самомъ дѣлѣ, мое удивленіе передъ всѣмъ окружавшимъ придавало мнѣ видъ человѣка еще болѣе простоватаго, чѣмъ я былъ въ дѣйствительности. Между тѣмъ, она привела меня въ обширное помѣщеніе, которое служило одновременно кладовой, кухней и столовой.

— У насъ нѣтъ прислуги, сказала она, каждый самъ приготовляетъ себѣ пищу.

Вторымъ движеніемъ руки она указала мнѣ на расположенные вдоль стѣны припасы, какихъ мнѣ не приходилось видѣть, на посуду, употребленія которой я не понималъ. Я пожалъ плечами и Лиссара теперь въ самомъ дѣлѣ улыбнулась, хотя чуть чуть, но все же я это замѣтилъ.

Филандръ взялъ нѣсколько плодовъ и кусковъ мяса, положилъ въ кастрюлю и полилъ сверху какой-то жидкостью, которую онъ называлъ діапеттономъ и соприкосновеніе съ ко-

торой въ полминуты произвело дѣйствіе превосходной кухонной плиты. Передъ мною стояла приготовленная съ приправою филе, и не только вкусъ его показался мнѣ превосходнымъ, но оно привело мое душу въ повышенное настроеніе освободило меня отъ всякой усталости и пробудило у меня охоту рѣшать труднѣйшія философскія проблемы, вродѣ того, какъ у насъ послѣ обѣда грызутъ орѣхи. Госпожа Лиссара спросила меня, какихъ воззрѣній держатся европейскія дамы относительно тожества этического и логического нумена и вѣритъ-ли моя жена въ трансцендентальность или имманентность чувства; и она заломила руки надъ головою, когда я ей сказалъ, что у насъ ни этика, ни логика не играютъ въ воспитаніи дѣвицъ никакой роли.

— Неужели и въ жизни?—спросила она.

Ея супругъ избавилъ меня отъ неловкости неизбежнаго отвѣта, объявивъ себя готовымъ дать мнѣ нѣкоторыя объясненія существующихъ въ Апойкиѣ отношеній. То, что было понято мною въ его изложеніи, я постараюсь набросать Вамъ совершенно вкратцѣ, насколько вообще это возможно въ рамкахъ нашихъ понятій.

Послѣ казни Сократа (въ 399 году до Рождества Христова) какъ извѣстно часть его друзей, единомышленниковъ и учениковъ покинула Афины. Подобно своему учителю они поняли, что разъ наивная вѣра въ незыблемость народныхъ обычаевъ поколеблена, обезпечить развитіе націи можетъ не возвратъ къ старому, а лишь обновленіе нравовъ. Что только при учетѣ индивидуальнаго сознанія каждаго и признаніи права на свободное личное убѣжденіе произойдетъ переходъ отъ узкосердечной національной неподвижности къ благородной человѣчности.

Съ намѣреніемъ основать на незаселенномъ еще берегу въ Испаніи или въ Африкѣ самостоятельное государство, которое должно было управляться согласно основнымъ положеніямъ ихъ познанія и вполне свободно развиваться, два богатыхъ брата Хайрефонъ и Хайрекрать изъ Мегары—они, какъ и Платонъ, сначала туда переселились—снарядили нѣсколько кораблей, которые были снабжены всѣмъ необходимымъ для основанія колоніи. Однако это поселеніе должно было устроиться возможно болѣе независимымъ, въ исключительномъ разсчетѣ на свои собственныя силы. Прихотливой судьбѣ угодно было, чтобы здѣсь въ самомъ дѣлѣ былъ заложенъ питомникъ новаго человѣчества, такъ какъ послѣ того, какъ экспедиція покинула рейдъ Мегары, ни одинъ человекъ на землѣ не получалъ болѣе о ней никакой вѣсти; сами колонисты и ихъ потомство были отрѣзаны отъ всякаго общенія и вліянія другихъ людей и народовъ. Я первый, кому дозволено принести вѣсть о величественномъ городѣ въ Европу, на которую они взираютъ съ состраданіемъ.

Экспедиція вынесенная бурей за Геркулевы столпы послѣ продолжительныхъ многодневныхъ опасностей была выброшена на тотъ скалистый островъ, гдѣ нынѣ стоитъ Апойкиѣ. Здѣсь она нашла спасеніе: фіордъ, въ который вошла и наша шлюпка дальше заворачиваетъ назадъ и образуетъ скрытое внутреннее море, на цвѣтушихъ берегахъ котораго былъ основанъ городъ Апойкиѣ. Страна внутри острова, какъ только перейти окружающія ее высокія стѣны известковаго шпата, чрезвычайно плодородна, климатъ ея мягкій и пріятный. Населеніе въ семь-восемь тысячъ душъ находитъ здѣсь обильное пропитаніе при весьма

незначительной работѣ. Большаго числа обитателей въ Апойкисѣ никогда не было, потому что, какъ объяснилъ мнѣ гостепріимный хозяинъ, счастье народа состоитъ не въ возможно большомъ количествѣ отдѣльныхъ центровъ сознанія, но въ интенсивности и равномерной концентрации сознанія въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ. Когда я его спросилъ, не можетъ ли Апойкисъ когда-нибудь испытать вредныя послѣдствія перенаселенности, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Это мнѣ трудно объяснить тебѣ. Если бы тебѣ было извѣстно все развитіе нашего культурнаго состоянія и если бы ты могъ понять глубину нашего нравственнаго міровоззрѣнія, тогда ты увидѣлъ бы, что твой вопросъ принадлежитъ къ разряду такихъ неосновательныхъ вопросовъ, какъ наприимѣръ, почему существуетъ міръ, или почему душа помѣщается въ мозгѣ, или какого цвѣта добродѣтель, синяго или зеленаго?

— Продолжай лучше рассказывать нашу исторію, перебила его Лиссара.

— Когда мы прибыли сюда, продолжалъ Филандръ—ученики Сократа и друзья Платона со стихами Софокла на устахъ и съ воспоминаніемъ о твореніяхъ Фидія передъ глазами, съ ученіями величайшаго изъ людей въ сердцѣ—и нашли здѣсь беззаботную жизнь, мы основали маленькую, но счастливую общину философскихъ душъ и, свободные отъ всякой необходимости бороться съ внѣшними опасностями, направили всю силу на гармоническое преобразование нашей внутренней жизни, на углубленіе мышленія, воспитаніе воли, на умѣренное наслажденіе ясной чувственностью. Протекло два полныхъ тысячелѣтія, и ни одного паруса не показывалась на горизонтѣ Апойкиса. Въ тече-

ніе этого времени мы наслаждались здѣсь невозмутимымъ, непрерывнымъ развитіемъ при условіяхъ, которыхъ не можетъ представить ни одному изъ народовъ ваша переполненная людьми земля. Между тѣмъ то, чего достигли мы, никогда и ни при какихъ условіяхъ не будетъ доступно вамъ, если даже ваша культура будетъ идти впередъ въ теченіе двухъ-трехъ тысячъ лѣтъ тѣмъ же темпомъ, какъ послѣднее столѣтіе, такъ какъ вы стоите на совершенно иныхъ историческихъ основахъ, чѣмъ мы. Сотни милліоновъ хотятъ быть счастливыми; для этого вамъ нужно сначала упорною борьбою завоевать себѣ жизнь и потомъ пробудить въ милліонахъ сердецъ чувство умѣренности и самоограниченія. Послѣдняго вы можете достигъ, быть можетъ, при помощи религіи, которая увлекаетъ душу. Но вѣдь вы должны все же жить. А при вашихъ жизненныхъ условіяхъ смягченіе внѣшней нужды можетъ быть достигнуто только внѣшней работой, и поэтому вся ваша культура направлена только на развитіе мощи челоѣчества. Она должна быть направлена въ эту сторону, такъ какъ для васъ иначе невозможно отстоять жизнь. Наша культура презираетъ и можетъ пренебрегать той неизмѣримой высотой, которой можетъ достигъ челоѣкъ путемъ торжества надъ внѣшними силами природы. Она достигла такой глубины, на которой сознаніе преобразуетъ міръ явленій и на которой все иное выпадаетъ ей само собою. Вы видите только циферблатъ великихъ часовъ мірозданія и изучаете ходъ стрѣлокъ; мы же смотримъ въ систему колесъ и движущихъ пружинъ, которыя мы сами представляемъ собою, и умѣемъ измѣнять ходъ механизма. Упрекать васъ въ этомъ нельзя, иначе вы не могли бы дви-

гаться впередъ, потому что когда вы пытались пренебречь міромъ и основать счастье внутри себя, всегда голодная масса влекла васъ назадъ въ реальный міръ, прежде чѣмъ вы успѣвали съ всеобщимъ сознаниемъ проникнуть въ идеальный міръ. Вы не могли отказаться отъ внѣшней моши. Для того, чтобы добиться ея вы должны были снова включить въ свои расчеты природу, которую вы хотѣли бы презирать; вы должны были наблюдать и собирать, и только путемъ опыта вы можете приобрѣтать свои познанія, которыя даютъ вамъ мощь. Этимъ путемъ вы вынуждены идти далѣе, такъ какъ у васъ нѣтъ никакихъ иныхъ средствъ, такъ какъ ваше мышленіе неспособно иначе познавать міръ. Онъ доступенъ вамъ только въ пространствахъ, во времени и необходимости, и этому вы должны подчиниться.

Намъ же въ теченіе двухъ тысячелѣтій ничего не нужно было отъ природы, кромѣ того, что она дарила сама. Здѣсь не было бѣдствующихъ и невѣжественной толпы, не было жаднаго и надменнаго общества, не было господъ и рабовъ, а лишь скромное число равномѣрно и гармонически образованныхъ, самоограничивающихъ себя людей. У насъ не было надобности въ раздѣленіи труда и спеціализаціи, мы довольствовались тѣмъ, что умѣли дѣлать каждый. Такимъ образомъ мы совершенно инымъ путемъ, чѣмъ вы, пришли къ культурѣ, которую вы наблюдаете у насъ, и къ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, какихъ вы не знаете. Вы, конечно, видите здѣсь великолѣпныя сооруженія и тысячи усовершенствованій, но каждый дѣлаетъ только добровольно какъ разъ то, что онъ можетъ и хочетъ, и мы теперь настолько ушли впередъ въ культурѣ самосознанія, что

каждый понимаетъ и себя самого и общество во взаимной зависимости, что долгъ и желаніе живутъ въ душѣ апойкійца нераздѣльно. Мы не рабы обычая, какъ дикіе народы, не господа внѣшней природы, какъ образованные народы Европы, мы лишь господа самихъ себя, господа своей воли, господа своего сознанія вообще, и потому мы свободны. Насъ не возмущаетъ забота о бѣдствующихъ народахъ, о себялюбивыхъ тиранахъ, у насъ нѣтъ никакихъ законовъ, такъ какъ каждый носитъ законъ въ самомъ себѣ. У насъ нѣтъ естествознанія, нѣтъ промышленности въ вашемъ смыслѣ слова, намъ не нужно подслушивать у природы ея тайны и привлекать на службу себѣ ея силы. Развитие нашего духа, свободное отъ давленія европейскихъ милліоновъ, шло инымъ путемъ. У насъ не было ни Платона, ни Аристотеля, ни схоластики, ни догматизма, поэтому у насъ не было нужды и въ Галилеѣ, или Ньютонѣ, или Дарвинѣ. У насъ не было владычества римлянъ, переселенія народовъ, феодальной системы, а потому намъ не нужна была и революція. Къ тому времени, когда Ахея стала римской провинціей, у насъ учили тому, что возвѣстили вамъ Кантъ и Шиллеръ. Когда христіанскіе мученики горѣли въ садахъ Нерона, наше мышленіе освободилось отъ рамокъ чувственности и научилось познавать свои условія въ абсолютномъ. Когда въ вашихъ монастырскихъ школахъ изучались скудные остатки ученія неоплатониковъ, у насъ была основана метафизика, какъ эмпирическая наука. А когда ваши метафизики сооружали свои воздушныя замки въ неограниченномъ царствѣ грезъ, тогда мы поняли внутреннія условія существованія сознанія и усвоили тайну творче-

гаться впередъ, потому что когда вы пытались пренебречь міромъ и основать счастье внутри себя, всегда голодная масса влекла васъ назадъ въ реальный міръ, прежде чѣмъ вы успѣвали съ всеобщимъ сознаниемъ проникнуть въ идеальный міръ. Вы не могли отказаться отъ внѣшней моши. Для того, чтобы добиться ея вы должны были снова включить въ свои расчеты природу, которую вы хотѣли бы презирать; вы должны были наблюдать и собирать, и только путемъ опыта вы можете приобрѣтать свои познанія, которыя даютъ вамъ мощь. Этимъ путемъ вы вынуждены идти далѣе, такъ какъ у васъ нѣтъ никакихъ иныхъ средствъ, такъ какъ ваше мышленіе неспособно иначе познавать міръ. Онъ доступенъ вамъ только въ пространствахъ, во времени и необходимости, и этому вы должны подчиниться.

Намъ же въ теченіе двухъ тысячелѣтій ничего не нужно было отъ природы, кромѣ того, что она дарила сама. Здѣсь не было бѣдствующихъ и невѣжественной толпы, не было жаднаго и надменнаго общества, не было господъ и рабовъ, а лишь скромное число равномѣрно и гармонически образованныхъ, самоограничивающихъ себя людей. У насъ не было надобности въ раздѣленіи труда и спеціализаціи, мы довольствовались тѣмъ, что умѣли дѣлать каждый. Такимъ образомъ мы совершенно инымъ путемъ, чѣмъ вы, пришли къ культурѣ, которую вы наблюдаете у насъ, и къ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, какихъ вы не знаете. Вы, конечно, видите здѣсь великолѣпныя сооруженія и тысячи усовершенствованій, но каждый дѣлаетъ только добровольно какъ разъ то, что онъ можетъ и хочетъ, и мы теперь настолько ушли впередъ въ культурѣ самосознанія, что

каждый понимаетъ и себя самого и общество во взаимной зависимости, что долгъ и желаніе живутъ въ душѣ апойкійца нераздѣльно. Мы не рабы обычая, какъ дикіе народы, не господа внѣшней природы, какъ образованные народы Европы, мы лишь господа самихъ себя, господа своей воли, господа своего сознанія вообще, и потому мы свободны. Насъ не возмущаетъ забота о бѣдствующихъ народахъ, о себялюбивыхъ тиранахъ, у насъ нѣтъ никакихъ законовъ, такъ какъ каждый носитъ законъ въ самомъ себѣ. У насъ нѣтъ естествознанія, нѣтъ промышленности въ вашемъ смыслѣ слова, намъ не нужно подслушивать у природы ея тайны и привлекать на службу себѣ ея силы. Развитие нашего духа, свободное отъ давленія европейскихъ милліоновъ, шло инымъ путемъ. У насъ не было ни Платона, ни Аристотеля, ни схоластики, ни догматизма, поэтому у насъ не было нужды и въ Галилеѣ, или Ньютонѣ, или Дарвинѣ. У насъ не было владычества римлянъ, переселенія народовъ, феодальной системы, а потому намъ не нужна была и революція. Къ тому времени, когда Ахея стала римской провинціей, у насъ учили тому, что возвѣстили вамъ Кантъ и Шиллеръ. Когда христіанскіе мученики горѣли въ садахъ Нерона, наше мышленіе освободилось отъ рамокъ чувственности и научилось познавать свои условія въ абсолютномъ. Когда въ вашихъ монастырскихъ школахъ изучались скудные остатки ученія неоплатониковъ, у насъ была основана метафизика, какъ эмпирическая наука. А когда ваши метафизики сооружали свои воздушныя замки въ неограниченномъ царствѣ грезъ, тогда мы поняли внутреннія условія существованія сознанія и усвоили тайну творче-

ской силы. То, что вы вырываете у природы, измѣряя, взвѣшивая, считая, путемъ открытій и изобрѣтеній, то мы послѣ того, какъ нашъ разумъ освободился изъ своихъ собственныхъ оковъ и превратился въ силу интуиціи, творимъ изъ самихъ себя по своему свободному выбору. Въ нашемъ мірѣ не существуетъ противоположности между принужденіемъ и свободою. Хотѣть, долженствовать, мочь у насъ понятія нераздѣльныя. И этого мы достигли исключительно воспитаніемъ желающаго, чувствующаго и мыслящаго сознанія. Вамъ это недоступно, потому что вы должны прокармливать народы и вести войны.

Во внѣшнихъ формахъ мы сохранили образцы, оставшіеся отъ нашихъ предковъ, поскольку мы ихъ находили пригодными; болѣе красивыхъ мы нигдѣ не нашли у васъ. За послѣднія два столѣтія когда, хотя и рѣдко, стали показываться корабли въ нашихъ водахъ, мы стали интересоваться исторіей остальнаго человѣчества. Каждые десять лѣтъ мы посылаемъ одного избраннаго въ Европу для изученія современныхъ отношеній. Я былъ послѣднимъ изъ бывшихъ тамъ и такимъ образомъ намъ пришлось познакомиться. Мы умалчивали о существованіи нашего государства, такъ какъ насъ не поняли бы, и мы не хотимъ, чтобы намъ мѣшали.

— А вы не боитесь, — спросилъ я, — что европейцы откроютъ васъ, овладѣютъ вашимъ маленькимъ островомъ и подавятъ вашу свободу?

Мой другъ снова улыбнулся.

— Я вижу, — сказалъ онъ, — что ты все еще не понимаешь нашей сущности. Спроси-ка себя, могъ ты сопротивляться мановенію апойкійца, который привелъ тебя въ городъ? Столь-же

мало, какъ мало способенъ честный человѣкъ пожелать сдѣлать неправое. Твоихъ спутниковъ мы захватили и самый корабль временно отобрали, чтобы для развлеченія жителей города, не покидавшихъ его, показать имъ иноземныхъ варваровъ. Мы снова вернемъ вамъ свободу и вы можете возвратиться въ Европу. Мы пожелаемъ, чтобы у твоихъ спутниковъ исчезло всякое воспоминаніе объ этой странѣ; ни одинъ не будетъ въ состояніи рассказать, что онъ видѣлъ нашъ островъ. Ты одинъ составишь исключеніе. Ты не плѣнникъ, а гость. Тебя ничто не должно связывать; но я предупреждаю тебя, что тебѣ никто не повѣритъ. Однако, и это возможно; пусть передъ нашимъ островомъ появится военный флотъ Англии, пусть европейскія арміи станутъ передъ нашими валами известковаго шпата — мы пожелаемъ и въ силу взаимной связи всякаго сознанія въ абсолютномъ — командиры не будутъ въ состояніи отдать другого приказа, какъ объ отступленіи.

Должно быть, у меня сдѣлалось очень глупымъ лицо при этихъ словахъ, такъ какъ мой другъ продолжалъ:

— Я вижу, что ты не можешь постичь сказаннаго. Это все равно, какъ если бы ты захотѣлъ уяснить индѣйскому племени, что оно никогда не будетъ въ состояніи изгнать бѣлыхъ людей изъ Америки, такъ какъ моральная мощь цивилизаціи дѣлаетъ неизбѣжнымъ занятіе этой части земного шара. Ты можешь убѣдить его лишь физической мощью, указавъ на количество пушекъ и ружей. По отношенію къ намъ твоя способность пониманія не превосходитъ способности сужденія подобнаго индѣйца, поэтому я буду говорить съ тобою

твоимъ языкомъ. Нѣсколько минутъ достаточно, чтобы облечь этотъ островъ потокомъ свободного эфира. Ни одно тѣло не можетъ проникнуть сквозь этотъ токъ и будетъ увлечено вихремъ, распавшись на атомы. Гранаты и броненосцы исчезнутъ въ немъ, какъ соломинка въ пламени.

Я молчалъ. Обѣдъ кончился. Мой другъ повелъ меня по городу. То, что я съ изумленіемъ видѣлъ и переживалъ, я надѣюсь вамъ рассказать лично, какъ напримѣръ о поѣздкѣ на кораблѣ душъ, о психическихъ качеляхъ, объ игрѣ въ понятія и о безчисленныхъ иныхъ предметахъ. Въ гавани я увидѣлъ большой подводный быстроходный корабль, который каждые десять лѣтъ подъ поверхностью воды мчится въ Европу. Движущей силой и здѣсь является химическое разложеніе воды, которое въ свою очередь вызывается токами эфира; подробности механизма мнѣ неизвѣстны. Для прогулокъ вблизи острова употребляется трехъярусная весельная шлюпка, въ точности построенная по образцу афинскихъ тріеръ. Эти поѣздки на веслахъ являются однимъ изъ видовъ спорта. Затѣмъ мой другъ привелъ меня въ домъ, гдѣ были помѣщены мои спутники. Его обставили по европейски, но одну сторону оставили открытой; тутъ густыми толпами стояли апокійцы и потѣшались надъ моими товарищами по путешествію подобно тому, какъ мы сами потѣшались надъ жителями Огненной Земли въ зоологическомъ саду. И такими-же растерянными и несознательными, какъ дикари, были здѣсь европейцы. Лордъ Литтонъ читалъ старый номеръ «Штандарта», капитанъ Клиничъ пилъ грогъ, д-ръ Гильвальдъ разсматривалъ въ микроскопъ пойманное здѣсь неизвѣстное

насѣкомое. Одинъ апокіецъ бросилъ ему какую-то маленькую трубку, Гильвальдъ приставилъ ее къ глазу, затѣмъ къ уху и такъ какъ онъ не зналъ, что съ ней дѣлать, то отбросилъ ее прочь при смѣхѣ апокійцевъ. Это была нуменальная труба, которая, будучи представлена къ затылку уничтожаетъ представление о пространствѣ и даетъ возможность ощутить умопостигаемое единство мірозданія.

Приближался часъ разставанія. Лордъ Литтонъ послѣ своего освобожденія пожелалъ продолжать свое путешествіе къ южному ледовитому океану, я же просилъ дать мнѣ возможность скорѣе возвратиться въ Европу. Меня пригласили взойти на тріеру, стройную и прекрасную, красивѣе которой ни одинъ науархъ въ Периклово время не выводилъ изъ Пирея. Она называлась «Одиссеемъ» и несла на передней части прекрасно и жизненно исполненное рѣзьбой на деревѣ изображеніе скитальца. Такимъ сидѣлъ хитроумный мужъ на окруженной моремъ Огигіи, островѣ Калипсо, когда онъ, прикрывая глаза отъ солнца рукою, съ тоскою устремлялъ взоръ черезъ море въ недостижимыя дали. И какъ феакійцы высадили Одиссея на берегу Итаки, такъ и меня спящимъ апокійцы высадили на берега Тристанъ д'Акунья и положили подлѣ меня свои подарки: золотой кубокъ силлогизмовъ и опаленныя въ пламени острова боговъ крылья моей психеи. Когда я проснулся, передо мною стояли два пахнувшихъ ворванью китолова, которые, давъ мнѣ сдѣлать глотокъ изъ бутылки съ ромомъ, возвратили меня въ чувственный міръ, откуда съ грустью шлетъ Вамъ свой привѣтъ Вашъ

Перев. В. Познера.

Р. Эгбертъ.